

УДК 347.77

DOI: 10.34670/AR.2026.29.60.027

Применение режима совместного обладания исключительным правом на средства индивидуализации

Федоров Артем Михайлович

Аспирант кафедры интеллектуальных прав,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: fedorov_artem_99@mail.ru

Аннотация

Настоящая работа посвящена вопросу о том, насколько применим режим совместного обладания исключительным правом к отдельным средствам индивидуализации. Автором последовательно выделяются три различные правовые конфигурации: собственно совместное обладание, параллельное существование самостоятельных прав и случаи, когда сам объект в принципе не сочетается с множественностью правообладателей. По итогам анализа делается вывод о недопустимости совместного обладания исключительным правом на средства индивидуализации, причем для каждого средства индивидуализации этот вывод обосновывается по-разному: для фирменного наименования — прямым законодательным запретом, для товарного знака — политико-правовым выбором законодателя и функциональным назначением обозначения, для географического указания и наименования места происхождения товара — несовместимостью данных объектов с признаками режима совместного обладания, а для коммерческого обозначения — структурной привязкой права к единому предприятию.

Для цитирования в научных исследованиях

Федоров А.М. Применение режима совместного обладания исключительным правом на средства индивидуализации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 204-212. DOI: 10.34670/AR.2026.29.60.027

Ключевые слова

Исключительное право, совместное обладание, средства индивидуализации, товарный знак, коммерческое обозначение, наименование места происхождения товара, географическое указание, множественность правообладателей, методология исследования, гражданское право.

Введение

Пункт 2 статьи 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [Гражданский кодекс РФ (часть четвертая), 2006] допускает, что «исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (кроме исключительного права на фирменное наименование) может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно». Механизм осуществления такого права раскрывается в п. 3 той же статьи. При отсутствии иного указания в ГК РФ либо в соглашении правообладателей действуют следующие правила: каждый из соправообладателей может использовать объект по собственному усмотрению, распоряжение правом происходит только совместно, полученные доходы делятся поровну, защита права осуществляется каждым из соправообладателей самостоятельно. Именно эту совокупность признаков, на наш взгляд, и следует считать законодательным описанием режима совместного обладания исключительным правом [Гаврилов, 2019, с.8-16].

От данного режима следует отличать ситуацию, предусмотренную п. 4 ст. 1229 ГК РФ, при которой самостоятельные исключительные права на один и тот же объект одновременно принадлежат разным лицам. Действующей редакцией ГК РФ это допускается в трех случаях: топология интегральной микросхемы, созданная несколькими лицами независимо друг от друга (п. 3 ст. 1454); секрет производства, сведения о котором получены добросовестно и независимо от других правообладателей (п. 2 ст. 1466); географическое указание, которое идентифицирует товар, производимый несколькими лицами в границах одного географического объекта (п. 2 ст. 1518).

Соответственно, при анализе средств индивидуализации необходимо последовательно различать три самостоятельные правовые ситуации: во-первых, подлинное совместное обладание (ситуация, при которой единое исключительное право принадлежит одновременно двум и более лицам, связанным правоотношением по поводу осуществления этого права); во-вторых, самостоятельные исключительные права на один объект, существующие параллельно и не образующие правовой связи между их обладателями; в-третьих, несовместимость объекта с множественностью правообладателей ввиду прямого указания закона.

Перейдем от общих положений к анализу каждого средства индивидуализации в отдельности, сохранив при этом их законодательный порядок изложения.

Фирменное наименование

Исключительное право на фирменное наименование закон выводит из сферы соправообладания прямым текстуальным указанием. П. 2 ст. 1229 ГК РФ, допуская совместную принадлежность исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, содержит прямую оговорку «кроме исключительного права на фирменное наименование».

Это решение законодателя согласуется с правовой природой данного объекта: фирменное наименование индивидуализирует саму коммерческую организацию как субъекта гражданского оборота (п. 1 ст. 1473, п. 1 ст. 1474 ГК РФ), причем закон в принципе исключает любые сделки по поводу этого права (п. 2 ст. 1474 ГК РФ). Наконец, момент его появления и утраты определяется не волей правообладателя, а формальным фактом — внесением соответствующей записи в ЕГРЮЛ (п. 2 ст. 1475 ГК РФ).

Иными словами, среди всех средств индивидуализации лишь фирменное наименование прямо названо законом как несовместимое с режимом совместного обладания, тогда как для остальных объектов такой вывод требует самостоятельной аргументации, основанной на толковании норм либо на правовой природе объекта.

Товарный знак (знак обслуживания)

Ситуация с товарным знаком существенно сложнее. De lege lata отсутствует прямой запрет на совместное обладание исключительным правом на товарный знак: п. 2 ст. 1229 ГК РФ формально распространяется и на товарный знак. Опираясь на эту норму, отдельные авторы делают вывод, что исключительное право на товарный знак может принадлежать одновременно нескольким правообладателям [Гаврилов, 2009, с.58-74; Митягин, 2018, с.137-149; Гутников, Сеницын, 2019, с.67-73]. В литературе также отмечается практический запрос на совместную регистрацию товарного знака [Косунова, 2007, с.81; Крысанов, 2007, с.30] и предлагается опосредовать ее договором о совместном обладании, определяющим требования к характеристикам, качеству товаров и закрепляющим ответственность каждого из соправообладателей [Сидоркин, 2012, с.101].

Сравнительно-правовой материал также не подтверждает тезис о принципиальной невозможности совместного обладания исключительным правом на товарный знак, а лишь очерчивает его условия. Статья 5С(3) Парижской конвенции закрепляет возможность «одновременного применения одного знака предприятиями, рассматриваемыми в качестве совладельцев» [Парижская конвенция, 1883], однако ставит это в зависимость от того, что «такое применение не вводит общественность в заблуждение и не противоречит публичным интересам», и прямо отсылает к законодательству страны, где испрашивается охрана. Таким образом, сама Конвенция передает решение вопроса о множественности правообладателей на уровень национального законодателя, и некоторые правовые порядки (в частности, Германия, Франция и США) на этом основании допускают совместное обладание.

Российский правоприменитель занимает противоположную позицию. Роспатент указывает, что подзаконные акты не предусматривают государственную регистрацию «отчуждения 50% исключительного права» на товарный знак по договору, а Верховный Суд РФ отмечает, что действующее законодательство не предусматривает порядка регистрации товарного знака на нескольких лиц (за исключением коллективного товарного знака), поскольку отчуждение исключительного права более чем одному лицу противоречит существу этого права – индивидуализировать товары или услуги [Определение ВС РФ № 305-КГ18-2488, 2018].

Получается, что возражения отечественного правоприменителя против совместного обладания товарным знаком обусловлены не формальным запретом нормы, а функциональным назначением самого объекта охраны. В доктрине товарному знаку традиционно приписывают три функции: идентификационную, информационную и рекламную, – которые в своей совокупности и образуют содержательное ядро правовой охраны [Городов, 2011, с.439; Белов и др., 1997, с.79-80]. В самом деле, ценность товарного знака состоит в установлении устойчивой ассоциации между обозначением и единым источником товара определенного качества.

Принадлежность права нескольким субъектам означала бы появление за единым обозначением нескольких самостоятельных источников товара, что создает риск введения потребителя в заблуждение относительно качества товара, его изготовителя и места производства. Однако этот риск может быть управляем посредством согласованного поведения

соправообладателей и закрепления единых стандартов качества. И такой механизм как раз предусмотрен российским законодательством – это **конструкция коллективного знака** (ст. 1510–1511 ГК РФ).

Вместе с тем, коллективный знак не является формой совместного обладания. Правообладателем коллективного знака выступает одно лицо – объединение, тогда как входящие в него лица обладают лишь правом использования знака (п. 1 ст. 1510 ГК РФ). Исключительное право на коллективный знак неотчуждаемо и не может быть предметом лицензионного договора (п.2 ст. 1510 ГК РФ). Центральная роль отводится уставу коллективного знака: им определяются перечень и единые характеристики качества или иные общие характеристики товаров, условия использования коллективного знака, закрепляются положения о порядке контроля за его использованием и ответственности за нарушение устава (п. 1 ст. 1511 ГК РФ). От режима совместного обладания эта конструкция отличается принципиально: связь между членами объединения носит скорее корпоративный, чем «совладельческий» характер, поскольку участники не приобретают равного статуса обладателей единого исключительного права.

На наш взгляд, конструкция коллективного знака обеспечивает единство источника надежнее, чем совместное обладание. При совместном обладании единство источника и качества товара гарантируется лишь соглашением соправообладателей (то есть действует *inter partes*) и никак публично не обеспечено. При коллективном же знаке правообладатель остается единым (объединение), а закон требует наличия устава с перечнем единых характеристик качества товаров и условиями контроля за их соблюдением; использование знака на товарах, не отвечающих этим характеристикам, влечет досрочное прекращение правовой охраны (п. 3 ст. 1511, пп. 2 п. 1 ст. 1514 ГК РФ).

Тем самым публичная гарантия единства источника, во имя которой и существует правовая охрана товарного знака, при коллективном знаке обеспечивается институционально, а не одним лишь усмотрением соправообладателей. Платой за эту надежность выступает бóльшая формальность конструкции (необходимость создания объединения и разработки устава), которой и объясняется в литературе относительно редкое ее использование [Горленко, 2008, с.12]; вместе с тем это осознанный выбор правопорядка в пользу защиты идентификационной функции знака и интересов потребителя, а не пробел в законодательном регулировании.

В связи с изложенным, исключение товарного знака из режима совместного обладания, а не его специальное урегулирование, представляется допустимым политико-правовым выбором. При этом интерес нескольких лиц в использовании единого обозначения вполне реализуется через конструкцию коллективного знака.

От совместного обладания следует отличать и ситуацию отчуждения исключительного права на товарный знак в отношении части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован (ст. 1488 ГК РФ). Хотя в результате такого отчуждения у одного обозначения появляется несколько правообладателей применительно к различным товарным позициям, каждый из них обладает самостоятельным исключительным правом в пределах собственного перечня товаров. Объект охраны у них фактически не совпадает, а значит, и режима совместного обладания в собственном смысле здесь нет.

Особого внимания заслуживает фактическое возникновение множественности правообладателей при универсальном правопреемстве – наследовании товарного знака несколькими наследниками либо реорганизации юридического лица в форме разделения или выделения. Актуальность данного вопроса усиливает реформа субъектного состава: статья 1478

ГК РФ, ранее ограничивавшая круг правообладателей товарного знака юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, утратила силу в 2023 году [Федеральный закон № 193-ФЗ, 2022], и теперь правообладателями товарного знака могут быть и физические лица.

Совместное обладание при универсальном правопреемстве закон не запрещает, поскольку ограничение универсального правопреемства потребовало бы изменения общих норм наследственного и корпоративного права. Однако возникающее в таком случае состояние множественности является аномальным, а специальных норм о порядке выхода из него действующее законодательство не содержит.

На наш взгляд, выход из такой ситуации может строиться по аналогии с механизмом статьи 238 ГК РФ: право должно в разумный срок консолидироваться у одного из правопреемников либо быть отчуждено всеми правопреемниками совместно в пользу третьего лица. Косвенным подтверждением реализуемости данного механизма служит п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», закрепляющий, что «исключительное право на товарный знак, унаследованное гражданином, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, должно быть отчуждено им в течение года со дня открытия наследства (за исключением случая, если в течение этого срока он регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя)».

Хоть после реформы 2023 г. данное положение и не было исключено, на практике оно утратило свое значение. Вместе с тем оно показывает, что правопорядок не терпит длящегося режимно-несовместимого состояния права и располагает для его устранения готовым срочным механизмом. Множественность правообладателей есть иное, но однопорядковое проявление той же несовместимости и потому заслуживает аналогичного решения.

Таким образом, применительно к товарному знаку вывод о недопустимости совместного обладания не является констатацией действующего права (ввиду отсутствия прямого запрета), а вытекает из политико-правового выбора законодателя. Этот выбор достаточно последователен, он опирается на функциональное назначение данного средства индивидуализации и потенциальную возможность ввести в заблуждение потребителя относительно товара, его изготовителя или места производства в случае множественности правообладателей.

Географическое указание (ГУ) и наименование места происхождения товара (НМПТ)

Прежде всего, следует отметить, что после реформы 2019 года [Федеральный закон № 230-ФЗ, 2019] §3 гл. 76 ГК РФ был подвергнут значительным изменениям: общей категорией стало ГУ, а НМПТ теперь регулируется по аналогии (согласно п. 3 ст. 1516 ГК РФ правила о ГУ применяются к НМПТ, если иное не установлено самим ГК РФ). Ранее действовавшая редакция п. 4 ст. 1229 ГК РФ содержала ссылку на п. 2 ст. 1518 ГК РФ, которая допускала существование самостоятельных исключительных прав в отношении одного и того же НМПТ при условии производства несколькими лицами в границах одного географического объекта товара, обладающего теми же особыми свойствами. Следовательно, действующая редакция п. 4 ст. 1229 ГК РФ, текстуально отсылающая к ГУ, также должна рассматриваться во взаимосвязи с п. 3 ст. 1516 ГК РФ и допускать параллельное существование самостоятельных исключительных прав в отношении одного и того же НМПТ [Постановление Пленума ВС РФ № 10, 2019].

Ключевым аргументом против совместимости данных объектов с режимом совместного

обладания выступает необоротоспособность исключительных прав на НМПТ/ГУ: пункт 6 статьи 1519 ГК РФ прямо запрещает распоряжение этим правом, в том числе путем отчуждения или предоставления другому лицу права использования, а равно его переход без договора. Возможность же распоряжаться правом, в том числе совместно, напротив, составляет один из базовых элементов режима совместного обладания исключительным правом (абз. 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ).

Кроме того, правообладатели в этом случае не образуют никакой правовой общности. Каждому правообладателю принадлежит самостоятельное право, возникающее по факту собственной регистрации (п. 2 ст. 1518 ГК РФ). Каждый использует обозначение независимо, не испрашивая ничего согласия, не делит с другими доход, защищает право и взыскивает убытки в свою пользу самостоятельно, а его право прекращается по собственным основаниям (ст. 1536 ГК РФ). Прекращение либо оспаривание права одного обладателя никак не затрагивает права остальных.

Таким образом, множественность лиц, обладающих исключительным правом на одно НМПТ/ГУ, представляет собой не совместное обладание исключительным правом, а прямо предусмотренный законом случай параллельного существования самостоятельных исключительных прав. Ни один из признаков режима совместного обладания не находит отражения в массиве правовых норм, определяющих порядок осуществления исключительного права на данные средства индивидуализации.

Коммерческое обозначение

Формально дозволение, закрепленное в п. 2 ст. 1229 ГК РФ, охватывает и исключительное право на коммерческое обозначение. Согласно ст. 1538 ГК РФ коммерческое обозначение индивидуализирует принадлежащее конкретному лицу предприятие как имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ). В отличие от других средств индивидуализации, возникновение этого права не связано с государственной регистрацией: оно возникает фактически – через известное на определенной территории употребление обозначения для индивидуализации конкретного предприятия (п. 1 ст. 1539 ГК РФ), – и прекращается при непрерывном неиспользовании в течение года (п. 2 ст. 1540 ГК РФ).

Для понимания правовой природы данного права особое значение имеет п. 4 ст. 1539 ГК РФ: переход исключительного права на коммерческое обозначение возможен только в составе предприятия, которое это обозначение индивидуализирует, а если обозначение использовалось для нескольких предприятий, переход права в составе одного из них прекращает возможность использовать его для остальных. Эта норма наглядно демонстрирует, насколько тесно исключительное право на коммерческое обозначение связано с конкретным предприятием субъекта.

Совместное обладание предполагало бы, что за единым обозначением стоят несколько самостоятельных предприятий, ведущих независимую хозяйственную деятельность, что несовместимо с индивидуализирующей функцией коммерческого обозначения и с механизмом его оборота. Поэтому совместное ведение бизнеса под единым обозначением требует какого-либо организационно-правового оформления (создания совместного предприятия либо заключения договора простого товарищества), но не режима совместного обладания исключительным правом.

Исходя из этого представляется, что основанием несовместимости исключительного права

на коммерческое обозначение с режимом совместного обладания является структурная привязка права к единому предприятию и его оборот только в составе такого предприятия.

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует несовместимость средств индивидуализации с режимом совместного обладания исключительным правом, причем основания такой несовместимости для каждого объекта различны, а потому исходный тезис требует дифференцированного обоснования.

Так, для фирменного наименования эта несовместимость закреплена прямым указанием закона (п. 2 ст. 1229 ГК РФ); для товарного знака она вытекает из политико-правового выбора законодателя, опирающегося на функциональное назначение этого обозначения; применительно к наименованию места происхождения товара и географическому указанию множественность прав образует не совместное обладание, а самостоятельные исключительные права производителей в границах географического объекта, существующие параллельно друг другу; исключительное право на коммерческое обозначение структурно привязано к единому предприятию.

В связи с изложенным целесообразно было бы скорректировать пункты 2 и 3 статьи 1229 ГК РФ, исключив из их текста словосочетание «средство индивидуализации». Это поможет нормативно закрепить возможность применения режима совместного обладания исключительным правом только к результатам интеллектуальной деятельности.

Библиография

1. Белов В.В., Виталиев Г.В., Денисов Г.М. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения: учебное пособие. М., 1997. 286 с.
2. Гаврилов Э.П. Исключительное право, принадлежащее нескольким лицам // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 58–74.
3. Гаврилов Э.П. Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. 2019. № 9. С. 8–16.
4. Горленко С.А. Совладение правом на товарный знак и российское законодательство // Патенты и лицензии. 2008. № 3. С. 11–17.
5. Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. М.: Статут, 2011. 942 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
7. Гутников О.В., Синицын С.А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67–73.
8. Конвенция по охране промышленной собственности. Заключена в Париже 20.03.1883 (ред. от 02.10.1979) // Закон. 1999. № 7 (извлечение).
9. Косунова Д.Д. Сообладание правами на средства индивидуализации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2007. № 6. С. 73–81.
10. Крысанов А. Перспективы введения института совладения правом на товарный знак в России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2007. № 7. С. 26–31.
11. Митягин К.С. Теоретические и практические аспекты совместного обладания правами на интеллектуальную собственность // Закон. 2018. № 8. С. 137–149.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 305-КГ18-2488 по делу № А40-210165/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. № 127.
15. Сидоркин С.С. Правовое регулирование гражданских отношений со множественностью лиц, объектом которых

- являются исключительные права: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГГУ, 2012. 174 с.
16. Федеральный закон от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4132.
17. Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 27. Ст. 4594.

Application of the Regime of Joint Ownership of the Exclusive Right to Means of Individualization

Artem M. Fedorov

Postgraduate Student,
Department of Intellectual Rights,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: fedorov_artem_99@mail.ru

Abstract

The present work is devoted to the issue of the extent to which the regime of joint ownership of the exclusive right is applicable to individual means of individualization. The author consistently identifies three different legal configurations: joint ownership proper, parallel existence of independent rights, and cases where the object itself, in principle, does not combine with the plurality of right holders. Based on the analysis, a conclusion is made about the inadmissibility of joint ownership of the exclusive right to means of individualization, and for each means of individualization this conclusion is substantiated differently: for a trade name — by a direct legislative prohibition, for a trademark — by the political-legal choice of the legislator and the functional purpose of the designation, for a geographical indication and an appellation of origin of goods — by the incompatibility of these objects with the features of the joint ownership regime, and for a commercial designation — by the structural attachment of the right to a single enterprise.

For citation

Fedorov A.M. (2026) *Primenenie rezhima sovmestnogo obladaniya iskluchitel'nym pravom na sredstva individualizatsii* [Application of the Regime of Joint Ownership of the Exclusive Right to Means of Individualization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 204-212. DOI: 10.34670/AR.2026.29.60.027

Keywords

Exclusive right, joint ownership, means of individualization, trademark, commercial designation, appellation of origin of goods, geographical indication, plurality of right holders, research methodology, civil law.

References

1. Belov, V. V., Vitaliev, G. V., & Denisov, G. M. (1997). *Intellektual'naya sobstvennost'. Zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya* [Intellectual property. Legislation and practice of its application]. Moscow.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended on July 23, 2025).

-
- (2006). Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(Part 1), Art. 5496.
3. Federal Law No. 193-FZ of June 28, 2022 "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation." (2022). Collection of Legislation of the Russian Federation, 27, Art. 4594.
4. Federal Law No. 230-FZ of July 26, 2019 "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation..." (2019). Collection of Legislation of the Russian Federation, 30, Art. 4132.
5. Gavrilov, E. P. (2009). Isklyuchitel'noe pravo, prinadlezhashchee neskol'kim litsam [Exclusive right belonging to several persons]. Khozyaistvo i pravo [Economy and Law], 3, 58–74.
6. Gavrilov, E. P. (2019). Kogda isklyuchitel'noe pravo na tozhdestvennye ob"ekty prinadlezhit odnovremennno neskol'kim litsam [When the exclusive right to identical objects belongs simultaneously to several persons]. Patenty i litsenzii [Patents and Licenses], 9, 8–16.
7. Gorlenko, S. A. (2008). Sovladieniye pravom na tovarnyy znak i rossiyskoe zakonodatel'stvo [Co-ownership of the right to a trademark and Russian legislation]. Patenty i litsenzii [Patents and Licenses], 3, 11–17.
8. Gorodov, O. A. (2011). Pravo promyshlennoy sobstvennosti [Industrial property law]. Statut.
9. Gutnikov, O. V., & Sinitsyn, S. A. (2019). Mnozhestvennost' obladateley isklyuchitel'nogo prava: problemy teorii i praktiki [Plurality of holders of the exclusive right: Problems of theory and practice]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 12, 67–73.
10. Kosunova, D. D. (2007). Soobladieniye pravami na sredstva individualizatsii [Co-ownership of rights to means of individualization]. Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' [Intellectual Property. Industrial Property], 6, 73–81.
11. Krysanov, A. (2007). Perspektivy vvedeniya instituta sovladeniya pravom na tovarnyy znak v Rossii [Prospects for introducing the institution of co-ownership of trademark rights in Russia]. Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' [Intellectual Property. Industrial Property], 7, 26–31.
12. Mityagin, K. S. (2018). Teoreticheskie i prakticheskie aspekty sovmestnogo obladaniya pravami na intellektual'nuyu sobstvennost' [Theoretical and practical aspects of joint ownership of intellectual property rights]. Zakon [Law], 8, 137–149.
13. Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883 (as amended on October 2, 1979). (1883). Zakon [Law], 7 (extract).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of April 23, 2019 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation." (2019). Rossiyskaya gazeta, 96.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of May 29, 2012 "On Judicial Practice in Inheritance Cases." (2012). Rossiyskaya gazeta, 127.
16. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-KG18-2488 of July 3, 2018 in case No. A40-210165/2016. (2018). ConsultantPlus.
17. Sidorkin, S. S. (2012). Pravovoe regulirovaniye grazhdanskikh otnosheniy so mnozhestvennost'yu lits, ob"ektom kotorykh yavlyayutsya isklyuchitel'nye prava [Legal regulation of civil relations with a plurality of persons whose object is exclusive rights] [Candidate's dissertation, Russian State University for the Humanities].
-